



Старые годы.

Въ бумагахъ Н. О. Кутлубицкаго сохранилось много черновыхъ писемъ его къ членамъ Императорской фамилии и болѣе 40 отвѣтовъ на нихъ, изъ которыхъ большинство отъ Императрицы Маріи Ѳедоровны. Сохранились также отвѣты отъ Константина Павловича, Михаила Павловича, Николая Павловича (черезъ Кикина и Лонгинова), отъ великихъ княгинь Маріи Павловны, Ольги Николаевны (черезъ Окулову); отъ великихъ князей Александра и Константина Николаевичей.

17 лѣтнимъ юношей, по выбору Екатерины Великой, Кутлубицкій былъ назначенъ въ 1792 году изъ кадетъ Шляхетнаго корпуса въ батарею Цесаревича Павла Петровича подпоручикомъ. Цесаревичъ приблизилъ его къ себѣ, какъ личнаго адъютанта, хотя официально онъ числился адъютантомъ батареи, которою командовалъ Аракчеевъ.

Въ 1793 г., для обсужденія вопроса о предоставленіи Русскаго престола Александру Павловичу, состоялся негласный совѣтъ Ея Величества, въ составъ котораго входилъ и графъ П. А. Румянцовъ. Павелъ Петровичъ послалъ 18 лѣтняго Кутлубицкаго въ Малороссію съ тайнымъ письмомъ къ графу, подъ видомъ отпуска его къ отцу. Важность и рискованность этого порученія доказывается словами Румянцова, который, вручая Кутлубицкому свой писменный отвѣтъ Цесаревичу, сказалъ: „смотри, я вручаю тебѣ свою съдѣлу голову!“... Чтобъ письма никто не видалъ; если заболѣешь (въ пути), то „спиши его“.

Неизвѣстно, въ чемъ заключалась эта переписка, безъ сомнѣнія немедленно по прочтеніи уничтоженная; но это не умаляетъ заслуги Кутлубицкаго передъ Павломъ Петровичемъ, который не скупился наградить его, оказывая ему полное довѣріе.

Павелъ Петровичъ чисто по отечески относился къ своему юному подчиненному, и Кутлубицкій сталъ называть его „батюшкой“. Этому соотвѣт-

ствовала и семейная обстановка Кутлубицкаго, который рано лишился матери, а отца своего, женившись вторично и проживавшаго въ далекой отъ Петербурга Малороссіи, почти никогда не видалъ; братьевъ-же у него не было. Царственная семья Павла Петровича замѣняла ему родную семью.

5 Ноября 1796 г., двадцати-лѣтнимъ майоромъ, Кутлубицкій сопровождалъ Павла Петровича и Марію Ѳедоровну изъ Гатчины въ Ропшу, слышалъ ихъ разсказъ объ одновременно видѣнномъ ими чудесномъ снѣ, на что графъ Ильинскій, который участвовалъ въ этой прогулкѣ, замѣтилъ: „вѣроятно В. В. скоро будете Императоромъ!“ Кутлубицкій былъ свидѣтелемъ неожиданнаго пріѣзда въ Гатчину графа Н. А. Зубова, и когда Павелъ Петровичъ, узнавъ отъ гусара, что Зубовъ пріѣхалъ одинъ, снявъ шляпу, перекрестился и не стѣсняясь присутствіемъ Кутлубицкаго произнесъ: „ну съ однимъ можно справиться!“¹⁾

Въ ту-же ночь Кутлубицкій вмѣстѣ съ Императоромъ былъ уже въ Зимнемъ Дворцѣ, гдѣ умирала Екатерина... Немногимъ приближеннымъ Павла выпала историческая доля, служащая до сего времени темою для псевдо-историческихъ романовъ²⁾...

При первомъ же паролѣ, который отдалъ Императоръ, Кутлубицкій пожалованъ *флигель-адъютантомъ*, черезъ день зачисленъ *подполковникомъ* въ гвардію, черезъ мѣсяць получилъ 1000 душъ въ Нижегородской губерніи. Къ новому году, *минуя чинъ полковника и бригадира*, произведенъ въ *генералъ-майору* съ назначеніемъ *генераль-адъютантомъ къ Е. И. В.* Въ томъ же году на *коронацію* Кутлубицкій сдѣланъ кавалеромъ св. Анны I-го класса, а черезъ годъ произведенъ за отличіе въ генераль-лейтенанты съ оставленіемъ въ свитѣ Е. И. В., будучи 22 лѣтъ отъ роду...

Немудрено, что Кутлубицкаго многіе спрашивали о причинахъ столь быстраго повышенія; но, будучи и 21 года, онъ всеже не былъ столь наивенъ, чтобъ разсказывать про свои дѣянія и то, что черезъ 70 лѣтъ съ его словъ разсказалъ намъ Ханенко. Живой и остроумный Кутлубицкій умѣлъ хранить тайну и отшучивался по поводу своего генеральства довольно находчиво: „Его Величеству угодно было *обойти меня двумя чинами!*“... Эта острога дорого

¹⁾ Отреченіе Павла Петровича въ это время уже состоялось. Манифестъ о томъ былъ готовъ. Покойный Великій Князь Сергій Александровичъ передавалъ мнѣ, что этотъ манифестъ долженъ былъ выдти либо въ день именинъ Государыни, либо 1 Января 1797 года. Павелъ Петровичъ встревожился пріѣздомъ Николая Зубова, думая, что онъ привезъ въ Гатчину указъ ему о мѣстѣ жительства; полагали, что это будетъ обширный и прекрасный замокъ Лоде подъ Ревелемъ, нѣкогда принадлежавшій князю Г. Г. Орлову, а въ то время его зятю графу Буксгевдену. П. Б.

²⁾ См. *Ясинскаго* „Въ лугахъ звѣзды пламенѣющей“. Историческій Вѣстникъ 1812 г., гдѣ въ лубочно сгущенныхъ краскахъ описывается это событіе, при чемъ не забыть и Н. О. Кутлубицкій, поспѣшающій за Павломъ Петровичемъ.

обошлась Кутлубицкому в послѣдствіи, когда крышка его гроба уже захлопнулась. Вопреки изрѣченію *de mortuis*, въ появившихся въ 1869 г. черезъ князя А. Б. Лобанова воспоминаніяхъ о старинѣ Ростовскаго записано: „*Н. О. Кутлубицкаго*, коего рассказы помѣщены въ „Русскомъ Архивѣ“ 1866 г. князь Лопухинъ *лично не зналъ*, но только *слышалъ* о немъ, что онъ былъ человѣкомъ ума весьма ограниченнаго: *будучи уже генераль-аншефомъ, онъ все еще жаловался, что его обошли двумя чинами!*“ Генераль-аншефомъ, какъ извѣстно, въ царствованіе Павла не было; никогда поэтому не былъ генераль-аншефомъ и Кутлубицкій. *Какими двумя чинами былъ „обойденъ“ генераль-адъютантъ Кутлубицкій*, мы видѣли выше, а о *фельдмаршалствѣ* конечно онъ мечтать не могъ... Но пословицѣ лучше поздно, чѣмъ никогда, справкою формуляра Кутлубицкаго считаемъ необходимымъ опровергнуть сплетню, идущую отъ кн. Павла Петр. Лопухина, который *лично не зналъ Кутлубицкаго*. Къ сожалѣнію эта сплетня *повторена* уже въ монографіяхъ о Павлѣ и въ краткой біографіи Кутлубицкаго, со словъ того-же кн. Лопухина...

Таково обаяніе имени. „*Князь Лопухинъ* сказалъ!“ А какой князь Лопухинъ? Князь Павелъ Петровичъ, *братъ фаворитки* Павла I, Анны Петровны, по мужу Гагаринной; онъ же и *сынъ фаворитки* князя Безбородки—Ек. Ник. рожд. Шетневой... Почему же однако *столь извѣстный* князь не зналъ *лично* генераль-адъютанта Кутлубицкаго? Почему онъ не зналъ, что никакихъ „генераль-аншефовъ“ въ царствованіе Павла не было? Вѣроятно потому, что *въ 1797 году*, когда генераль-адъютантомъ Кутлубицкій *кому-то* жаловался, что его обошли двумя чинами, самому Лопухину *было только девять лѣтъ!*... Возрастъ настолько невинный, когда все прощается; но едвали цѣлесобразно повторять въ зрѣломъ возрастѣ, чтѣ говорится подростками, ибо не всегда же *усташи младенцевъ Господь глаголетъ!*...

Въ некрологѣ объ А. И. Ханенко въ Кіевской Старинѣ 1895 г. между прочимъ записано: „Много разъ убѣждали А. И. (Ханенко), что нибудь записать изъ его воспоминаній; онъ и обѣщаль бывало, но не могъ рѣшиться *записывать* темныя черты изъ жизни своихъ соотчичей... *За то съ любовью записалъ онъ рассказы генерала Кутлубицкаго, любимца Императора Павла, ибо этими рассказами никто не могъ быть обиженъ!*... Кутлубицкій зналъ о Лопухиныхъ несомнѣнно больше, чѣмъ Лопухинъ о Кутлубицкомъ, но *промолчалъ* о нихъ въ своихъ воспоминаніяхъ. Записки Лопухина въ 1869 г. явились какъ бы pendant къ запискамъ Ханенки въ „Рус. Арх.“ 1866 года. Жаль, что Лопухинъ не оцѣнилъ какъ слѣдуетъ молчаніе Кутлубицкаго! Это избавило бы его и *отъ клеветы на умершаго*.

Могъ-ли Кутлубицкій оставаться на службѣ въ царствованіе Александра I-го и каковы причины, заставившія его такъ быстро порвать прежнія связи? Можно догадываться, что причины это были прежде всего нравственнаго порядка... Будучи, *по Лопухину*, человѣкомъ *ограниченнаго*, Кутлубицкій

по видимому, не могъ вытерпѣть того, съ чѣмъ легко примиряются люди „неограниченныя“, каковыхъ водилось и водится большинство.

Огношенія Маріи Ѳеодоровны къ Кутлубицкому послѣ кончины Павла не оставляютъ повидимому желать лучшаго; это видно изъ многочисленныхъ ея милостивыхъ рескриптовъ къ нему съ 1801 по 1828-й годъ...

Каковы отношенія къ Кутлубицкому самого Александра Павловича? О нихъ отчасти можно судить по разсказу самого Кутлубицкаго, относящагося къ началу 1797 года.

„Обрадованный донесеніемъ *) Кутлубицкаго, Павелъ надѣлъ на него снятый съ себя орденъ св. Анны (2-го класса), который Императоръ носилъ всегда на шеѣ... Когда Кутлубицкій выходилъ изъ кабинета, камеръ-лакей успѣлъ ему шепнуть, что ему нужно что-то передать ему на единѣ... Кутлубицкій попросилъ тогда Кутайсова перемѣнить орденъ, такъ какъ Государь уже привыкъ къ нему („привѣсилъ“) и дать ему другой изъ орденовъ Государя. По уходѣ Кутайсова, камеръ-лакей сказала ему, что Наслѣдникъ престола просилъ его явиться къ нему, когда онъ возвратится изъ Москвы, хотя бы ночью... Кутлубицкій поспѣшилъ къ Наслѣднику. Въ первой комнатѣ сидѣла статсъ-дама и горѣла свѣча; другія комнаты были темны, и только въ послѣдней изъ нихъ, въ спальнѣ, теплилась лампадка. Узнавъ о приходѣ Кутлубицкаго, Наслѣдникъ позвалъ его къ себѣ и, руководимый свѣтомъ лампы, Кутлубицкій прямо подошелъ къ кровати, на которой подъ одѣяломъ лежалъ Александръ Павловичъ со своей супругой. Замѣтивъ у Кутлубицкаго новый орденъ, онъ и Елисавета Алексѣевна поздравили его, Кутлубицкій поцѣловалъ руку Наслѣдника; обѣжавши кругомъ кровати, поцѣловалъ поданную ему изъ подъ одѣяла руку его супруги. А. П. пригласилъ Кут-го сѣсть и разсказать ему, зачѣмъ онъ ѣздилъ въ Москву... Кутлубицкій отвѣчалъ: „кто-же мнѣ поручится, что В. В. сохраните въ тайнѣ что я скажу?—Какую-же тебѣ нужно поруку. Ну вотъ Богъ тебѣ порукой!“ сказалъ Наслѣдникъ, указывая на икону. Тогда Кутлубицкій разсказалъ ему всѣ подробности своего порученія, сожалѣя внутренно, что онъ не попросилъ такой-же поруки у Елисаветы Алексѣевны...

„Надо было жить въ то время и въ тѣхъ обстоятельствахъ, разясняетъ Кутлубицкій, чтобъ поступокъ мой (просьба о порукѣ) не показался страннымъ“.

Несомнѣнно, что эти „обстоятельства“ сознавалъ и самъ Александръ Павловичъ, охотно засвидѣтельствовавшій поруку свою передъ иконою.

Изъ этого разсказа видно, что отношенія Александра Павловича къ Кутлубицкому не были натянутыми, и повидимому не существовало причинъ къ ихъ измѣненію и въ дальнѣйшемъ, пока А. П. было Наслѣдникомъ.

*) О примиреніи Моск. ген. губ. Архарова и Долгорукова передъ коронаціей.

Тѣмъ не менѣе въ бумагахъ Кутлубицкаго черновыхъ писемъ къ Александру Павловичу не находится, за исключеніемъ одного съ офиціознымъ предложеніемъ о сельскихъ магазинахъ. Въ перепискѣ-же Кутлубицкаго съ Мордвиновымъ, говоря о ссылкѣ М. М. Сперанского, Кутлубицкій позволяетъ себѣ явно несочувственный отзывъ о высочайшемъ распоряженіи, съ примѣсю ироніи: „оказали ему (Сперанскому) *отеческое милосердіе*; сослали, лишивши всего“...

Во все царствованіе Александра Кутлубицкій не поднимаетъ вопроса и не проситъ объ опредѣленіи его на службу а только за время Отечественной войны онъ играетъ значительную офиціальную роль въ сборѣ и формированіи ополченія отъ Нижегородской губерніи, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Владимира 2 степени.

Отношенія къ Кутлубицкому Константина Павловича еще менѣе опредѣлены, но о нихъ можно судить по откровенному письму къ нему Кутлубицкаго отъ 16 Января 1829 г. и по безпощадно, сухому отвѣту на него отъ Константина Павловича 30 Января того же года. (См. ниже въ письмахъ).

Что касается Николая и Михаила Павловичей, то извѣстно лишь, что Кутлубицкому приходилось „носить ихъ на своихъ рукахъ“ и быть свидѣтелемъ послѣдняго свиданія ихъ съ ихъ отцомъ въ день 11 Марта 1801 г.

Съ воцареніемъ Николая Павловича у Кутлубицкаго тотчасъ является мысль о возможности возвращенія его на прежнюю службу; но по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, это желаніе не осуществляется. Устарѣвъ и одряхлѣвъ, Кутлубицкій примиряется съ судьбой, но не можетъ порвать той связи, которая случайнымъ выборомъ Екатерины привязала его въ лучшіе годы жизни къ царственному дому Павла Петровича, „единого его по Богѣ отца и благодѣтеля“.

Эта исключительная преданность и привязанность, питаемая воспоминаніями молодости, заставляетъ Кутлубицкаго постоянно возвращаться къ одному и тому же источнику печали и радостей и привѣтствовать во всѣхъ случаяхъ жизни *дѣтей и внуковъ* Императора Павла, которые тѣмъ живѣе и ближе понимаютъ Кутлубицкаго, чѣмъ дальше уноситъ время легендарныя преданія объ ихъ Августѣйшемъ предкѣ и чѣмъ ближе подходитъ Кутлубицкій къ своей могилѣ.

Наиболѣе сердечные по тону отзывы Цесаревича Александра Николаевича, полученные Кутлубицкимъ передъ его смертію, окончательно примиряютъ его съ той продолжительной отверженностью, которую онъ испыталъ на себѣ при Александрѣ Павловичѣ.

Справедливость заставляетъ отмѣтить, что Н. О. Кутлубицкій, получившій земли въ царствованіе Александра I-го не тамъ, гдѣ онъ могъ рассчиты-

вать по высочайшему указу Павла отъ 1 Марта 1801 года, и разстроивъ свое состояніе постройкою великолѣпнаго, но слишкомъ обширнаго для деревни храма во имя своего патрона, временно палъ духомъ и къ сожалѣнію измѣнилъ тому завѣту, которымъ руководствовался въ царствованіе Павла и который онъ получилъ отъ графа Румянцова: „Проси у Государя за всѣхъ и для всѣхъ, но для себя, чтобъ языкъ твой не заикался!“

Какъ видно изъ прилагаемыхъ писемъ, въ 55 лѣтъ Кутлубицкій счелъ себя вынужденнымъ просить за себя передъ императрицей Маріей Ѳедоровной и Константиномъ Павловичемъ, и эти запоздавшія личныя его просьбы отчасти ступшевывають симпатичный образъ старика, преданнаго и безкорыстнаго служаки Павла Петровича.

И. Бронскій.

Изъ писемъ Н. О. Кутлубицкаго къ членамъ императорской фамиліи.

1812—1848-й годъ.

1.

Къ императору Александру Павловичу отъ 12 Марта 1812 г.

Августѣйшій Монархъ, Всемилостивѣйшій Государь!

Высочайшимъ В. И. В. манифестомъ всенародно объявлено 27 Мая 1810 г. устроить комиссію для погашенія государственныхъ долговъ, назначивъ въ продажу изъ коронныхъ немалое количество земель. А какъ и нынѣ съ обнародованнаго В. И. В. манифеста 11 Февраля 1812 года видно, что погашеніе долговъ еще не пришло къ желаемому В. И. В. удовлетворенію, ибо соблаговолили сдѣлать нѣкоторыя временныя прибавки на разные предметы по всему государству: то въ числѣ исполнителей В. И. В. воли изъ нѣсколькихъ миліоновъ вѣрноподанныхъ дерзаю и я всеподданѣйше представить свою мысль.

Въ настоящее время во всѣхъ казенныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ хранится въ запасныхъ магазинахъ нѣсколько лѣтъ собранный съ крестьянъ по малому количеству ржаной и яровой хлѣбъ, котораго нынѣ составитъ не болѣе 5¹/₂ четвериковъ на ревизскую мужскую душу, что въ случаѣ неурожая и малаго вспоможенія не сдѣлаетъ: то не угодно-ли будетъ В. И. В. повелѣть весь оный хлѣбъ продать на мѣстѣ въ селеніяхъ тѣмъ-же самымъ крестьянамъ, которые его засы-

пѣли, съ убавкой цѣны по 2 р. на четверть ржи, и по 1 руб. на четверть овса, противъ справочныхъ цѣнъ уѣздныхъ городовъ? Черезъ сіе комиссія, учрежденная В. И. В., получить вѣскольکو десятковъ миліоновъ рублей для погашенія долговъ, и сверхъ того по мнѣнію моему заготовленіе провіанта для арміи В. И. В. могло бы быть много дешевле и выгоднѣе.

Повергая себя и вѣрноподданическое мое усердіе къ священнымъ стопамъ твоимъ, счастливѣйшимъ изъ смертныхъ себя сочту, если удостоишь всемилостивѣйшаго воззрѣнія на чувства глубочайшаго благоговѣнія и преданности, съ каковыми пребываю В. И. В. вѣрноподданнѣйшій ген. лейт. Н. Кутлубицкій.

Въ тотъ-же день Кутлубицкій писалъ и Н. С. Мордвинову.

„Зная душу и сердце ваше и что вы расположены ко благу ближняго и пользѣ общественной, почему и удостоены быть предсѣдателемъ въ Государственномъ Совѣтѣ по департаменту экономіи, то и рѣшаюсь утруждать васъ просьбой. Хотя я и живу въ глухой деревнѣ, но вижу изъ манифестовъ, что государственные долги весьма велики, то и осмѣливаюсь представить Государю Императору мою мысль въ прилагаемомъ письмѣ касательно сельскихъ магазиновъ. Если вы съ копіи усмотрите, что мысль эта не принесетъ никакихъ пользъ государству, то предайте все сіе сожженію, а если удостоите апробаціи, то прошу дать настоящей ходъ...“.

2.

Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 19 Ноября 1819 года.

Августѣйшая мать отечества Всемиловѣйшая Государыня!

Имѣя неоцѣненное счастье около 30 лѣтъ носить милости В. И. В., осмѣливаюсь просить принять мое поздравленіе съ наступающимъ днемъ рожденія твоего сына, Августѣйшаго Монарха, Императора и Отца Александра Павловича. Я-же въ столь знаменательный день ничего другого тебѣ посвятить не имѣю, какъ, зная твое материнское сердолобіе ко всѣмъ несчастнымъ, осмѣливаюсь представить вѣрноподданическое мнѣніе мое къ приумноженію суммъ для содержанія птенцовъ подъ крыломъ твоимъ воспитывающихся, такъ равно и удержанія частныхъ капиталовъ, которые большими суммами отправляются безвозвратно изъ Россіи за границу, отчего отечество наше незамѣтно истощается,

Въ бытность мою прошлаго 1818 года въ С.-Петербургѣ для опредѣленія на службу Е. И. В. въ Лейбъ-Гвардіи Конный Полкъ старшаго моего сына Павла (твоего крестника), насчиталъ я по лучшимъ проспектамъ города около 300 домовъ, нанимаемыхъ дорогою цѣной модными лавками, модными торговками¹⁾, которыя не только высасываютъ изъ нашего общества, къ несчастію зараженнаго роскошью, имущества, но и развращаютъ души и сердца, черезъ что неизбѣжно разстраиваются семейства и ослабляются общественныя связи.

Не благоугодно-ли же будетъ В. И. В. всемилостивѣйше повелѣть, хотя бы на первый годъ приговорить нѣсколько порядочныхъ изъ модныхъ торговекъ, назначивъ имъ пристойное жалованье, и помѣститъ ихъ во флигеляхъ обоихъ Воспитательныхъ Домовъ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ находились подъ ихъ вѣдѣніемъ, а вырабатываемыя деньги обращать еженедѣльно въ ихъ кассу? Чтоже касается до покупки разныхъ матерій и товаровъ, а равно имѣнія швей и рукодѣльницъ, то въ нихъ конечно не можетъ быть недостатка... Въ теченіи-же одного, много двухъ лѣтъ, помощницы могутъ выучиться и сами наряжать нашу публику по получаемымъ изъ за границы однимъ рисункамъ.

Черезъ это приумножится сумма для твоихъ штенцовъ, а издерживаемые капиталы для модныхъ нарядовъ будутъ оставаться въ Россіи.

Поручая какъ себя, такъ и вѣрноподданческое усердіе мое къ священнѣйшимъ стопамъ твоимъ, счастливѣйшимъ изъ смертныхъ себя почту и т. д. Вѣрноподданнѣйшій Н. Кутлубицкій.

3.

Къ ней-же, отъ 16 Февраля 1821 года.

Болѣзненное мое состояніе не позволяеть мнѣ пасть лично къ священнѣйшимъ стопамъ твоимъ и принести мою вѣрноподданнѣйшую благодарность за божественныя строки, которыя я имѣлъ счастье получить, а равно и представить вамъ, какъ крестной матери, моего сына Павла, который уже годъ служитъ Е. И. В. офицеромъ въ лейбъ гвардіи конно-егерскомъ полку²⁾, дабы и его не лишить вашихъ милостей, коими я имѣю счастье пользоваться.

¹⁾ При Императорѣ Павлѣ ихъ было въ Петербургѣ только 7 „по числу смертныхъ грѣховъ“. (А. И. Ханенко со словъ Н. О. Кутлубицкаго).

²⁾ Старшій сынъ Н. О. Кутлубицкаго Павелъ, родившійся въ Сентябрѣ 1801 года, въ 1818 г. былъ юнжеромъ конной гвардіи, а 23 Февраля 1820 года произведенъ въ офицера въ Лейбъ Гв. Кон. Егер. полкъ (нынѣ Л. Гв. Драгунскій).

За превеликую для себя отъ Бога милость счель-бы, еслибъ сынъ мой былъ такъ счастливъ, что могъ бы лично служить при крестномъ своемъ отцѣ¹⁾ или при васъ... какъ и я имѣлъ счастье находиться при покойномъ моемъ отцѣ-благодѣтелѣ въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ Павлѣ Петровичѣ. Вотъ уже 20 лѣтъ прошло, какъ я лишился по Богѣ единого! Послѣ котораго единственнымъ моимъ утѣшеніемъ создаваемый мною храмъ Божій, во имя его святого патрона! Вотъ все, чѣмъ я могу теперь почитать его священную для меня память...²⁾).

Прости великодушно, что осмѣливаюсь излить передъ вами то, что на сердцѣ у меня хранится со дня лишенія моего отца-благодѣтеля.

Счастливейшимъ изъ смертныхъ себя сочту, если и ты удостоишь меня миниатюрнымъ своимъ портретомъ, подобнымъ полученному мною отъ моего благодѣтеля³⁾. Тогда бы я присоединилъ твой къ нему и хранилъ бы ихъ вмѣстѣ, чтобы они переходили бы изъ роду родовъ, какъ знакъ великихъ вашихъ ко мнѣ милостей и благоволеній.

4.

Къ ней-же, отъ 8 Іюля 1821 г.

Божественныя для всего моего семейства строки, пущенныя В. И. В. отъ 1 Марта касательно вашего материнскаго покрова къ моему сыну, имѣлъ неоцѣненное счастье получить и желалъ бы лично имѣть счастье принести мою вѣрноподанную благодарность за столь милостивое покровительство и принять мое поздравленіе съ наступающимъ днемъ Вашего Ангела. Но къ несчастію моему приключившаяся вдругъ болѣзнь данной Богомъ мнѣ помощницы повергла мое семейство въ отчаянье и возбраняетъ мнѣ отъ нея отлучиться. Осмѣливаюсь тебѣ, какъ сердобольной матери, поднести домашняго рукодѣлья рабочій

¹⁾ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ.

²⁾ Церковь во имя Петра и Павла Н. О. Кутлубицкій строилъ въ с. Костянкѣ Арзамасскаго уѣзда (пожалованной ему Императоромъ Павломъ) и истратилъ на нее значительную часть своего состоянія, около 200 тыс. рублей, для чего заложилъ всѣ свои имѣнія въ Нижегородской губерніи.

³⁾ Миниатюрный портретъ императора Павла, подаренный Кутлубицкому 3 Февраля 1801 г., вдѣланный въ золотую табакерку съ надписью „по Богѣ онъ единъ, имъ и существую“, обращавшій на себя вниманіе Императора Николая Павловича и придворныхъ лицъ въ Гатчинѣ (Разказы Ханенки, Рус. Арх. 1866 г.) въ настоящее время хранится у правнучки Н. О. Кут—го, Л. Н. Бр—кой. Кѣмъ нарисованъ этотъ художественный миниатюръ, неизвѣстно.

мѣшокъ, вывязанный бѣдной сиротой, дочерью штабъ-офицера Софьей Соколовской, лишившейся въ младенчествѣ своихъ родителей и найденной моею супругою нечаянно въ бытность ея въ Москвѣ въ прошломъ 1805 году въ Страстномъ монастырѣ дитятей, которая теперь сдѣлалась хорошей помощницей своей второй матери какъ въ хозяйствѣ, такъ и въ болѣзняхъ. Прости великодушно, что осмѣливаюсь такое малое приношеніе поднести тебѣ въ день Ангела.

Слѣдуютъ подобныя-же поздравленія Императрицы Маріи Ѳеодоровны отъ 22 Марта 1822 г. отъ 3 Октября 1823 г. съ поднесеніемъ иконы Покрова Божіей Матери, работы Алексѣевской женской общины въ Арзамасѣ, отъ 9 Января 1824 г. поздравленіе „съ устройствомъ судьбы вел. кн. Михаила Павловича съ вел. кн. Еленой Павловной“, также съ поднесеніемъ иконы „ихъ угодниковъ, дабы употребить ее въ день ихъ бракосочетанія на благословеніе“ 1 Октября 1824 г. съ пожеланіемъ „утѣшиться для дня рожденія прибытіемъ юнѣйшей дочери вел. кн. Анны Павловны“, которую Императоръ Павелъ 11 Марта 1801 г., за нѣсколько часовъ до своей кончины, благословилъ въ своемъ кабинетѣ образомъ Пресвятой Богородицы, который снялъ со стѣны и въ присутствіи Кутлубицкаго положилъ этотъ образъ ей запазуху, послѣ чего отпустилъ въ дѣтскую. Отъ 24 Ноября 1824 г. по случаю прибытія въ Россію вел. кн. Маріи Павловны съ дѣтьми и супругомъ; отъ 8 Юля 1825 г. поздравленіе со днемъ тезоименитства „какъ твоего, такъ и близкихъ сердцу твоему дочери и внучекъ“ и проч.

Императрица Марія Ѳеодоровна обращалась къ Кутлубицкому: „Господинъ генераль-лейтенантъ Кутлубицкій“, а великая княгиня просто: „Николай Осиповичъ“... Росчеркъ Маріи Павловны гораздо тверже чѣмъ у Маріи Ѳеодоровны.

Въ Ноябрь 1826 года Кутлубицкій писалъ: „Не осмѣливался я когда-либо и подумать обременять мою единственную по Богѣ благодѣтельницу моимъ критическимъ положеніемъ... Осмѣливаюсь нынѣ въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни обезпочить тебя, какъ чадолюбивую мать, моей недостойной просьбой—испросить себѣ руку помощи!..“.

Далѣе Кутлубицкій сообщаетъ, что онъ имѣетъ до 300 тысячъ тяжелаго для него казеннаго долга, изъ которыхъ болѣе 150 т. потрагилъ „на созданіе храма, во имя въ Бозѣ почивающаго патрона Императора Павла I-го, каковой храмъ уже законченъ, но внутреннее его устройство еще не заготовлено...“. *Самъ я 25 лѣтъ безъ службы, крамолами удаленный, но два сына мои оба на службѣ Е. И. В. Несчастные родственники сильно потерпѣли отъ непріятельскаго наше-*

ствія и всѣ требуютъ себѣ пособія... Старшаго сына надо скоро женить, на что и просить „материнскаго благословенія...“.

Въ отвѣтъ на это длинное письмо Императрица М. Ѳ. отвѣчала 23 Декабря 1826 года изъ Петербурга только по поводу послѣдняго сообщенія. Отдавая полную справедливость чувствамъ усердія и приверженности“, она желаетъ Кутлубицкому „насладиться утѣшеніемъ— видѣть своего сына счастливымъ...“.

Императрица писала 9 Августа 1827 г., что законъ о 24 лѣтнихъ займахъ даетъ возможность спасти имѣніе и желаетъ „хорошаго успѣха въ начатомъ благоугодномъ дѣлѣ построенія храма“, но денегъ на него не общаетъ.

Узнавъ о кончинѣ Маріи Ѳеодоровны, Кутлубицкій поспѣшилъ въ Петербургъ больной и разстроенный, чтобы отдать „послѣдній вѣрноподданическій и сыновній долгъ“ усопшей, но засталъ ее уже погребенною.

Изъ Петербурга 16 Янв. 1829 г. онъ написалъ великому князю Константину Павловичу:

Августѣйшаго Монарха возлюбленный братъ, изъ великихъ великій Государь и Цесаревичъ, Всемиловѣйшій Государь!

Лишившись единой по Богъ моей благодѣтельницы, въ Бозѣ почившей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, какъ твоей, Государь, такъ и всего отечества матери, какъ ни торопился я ѣхать по дурной дорогѣ, но не успѣлъ отдать ей послѣдняго вѣрноподданическаго и сыновняго долгу! Хотя и прибылъ 27 Ноября въ Петербургъ прежде 6 недѣль, но нашелъ уже къ несчастію моему одинъ наложенный на могилу камень, подъ которымъ сокрыта до второго пришествія Христа Спасителя моя единая по Богъ благодѣтельница*). Итакъ, омывъ оный камень моими слезами и облобызавъ его несчетно, воздалъ долгъ поминовенія по усопшимъ обоимъ моимъ благодѣтелямъ, кои черезъ 28 лѣтъ по власти Божіей вторично соединились для представленія къ Всевышнему и отданія отчета о всѣхъ своихъ вѣрноподданныхъ дѣтяхъ, ихъ правленію отъ него ввѣренныхъ.

*) Императрица Марія Ѳеодоровна была похоронена раньше предполагаемаго. П. Б.

Теперь я собираюсь отправиться къ моему угнетенному семейству, которому кромѣ слезъ и горести ничего привезти въ отраду съ собой не могу.

Нигдѣ, ни въ чемъ, ни въ комъ успѣху не имѣя, къ вящему моему несчастію и тебя, Государь, милостиваго отца и моего всегдашняго покровителя, въ Петербургѣ не засталъ.

Беру смѣлость, испытавъ уже на себѣ твое милосердіе, хотя письменно обременить тебя и испросить себѣ съ семействомъ отцовскаго покровительства.

Не безъизвѣстна тебѣ, Государь, прежняя моя безпорочная и безкорыстная служба, вѣрность къ отечеству и нелицемѣрная преданность къ монаршему престолу и всему Императорскому дому.

Теперь я имѣю почти 300 тысячъ долгу казеннаго; когда-же былъ употребляемъ въ теченіи 4 лѣтняго царствованія, то во многихъ случаяхъ имѣлъ большія суммы и кромѣ розданной тихой милости, легко могъ имѣть 600 тысячъ въ наличности; но тогда я все оное презрѣлъ. Выполняя долгъ свой, остался я съ честнымъ именемъ и въ такое положеніе себя поставилъ, что могу смотрѣть чистыми глазами на весь свѣтъ, безъ зазрѣнія совѣсти, и не страшусь я предстать на судъ Всевышняго Судіи, а бѣдная подушка моя „не вертится у меня подъ головою“!

Лишившись обоихъ своихъ единыхъ по Богѣ благодѣтелей, оставался я отъ монаршаго престола разными кознями и проклятой завистью удаленнымъ 28 лѣтъ. Бывъ въ праздности, я употреблялъ время для направленія ввѣренныхъ мнѣ благодѣтельной рукой дѣтей (крестьянъ) и созданіемъ у нихъ храмовъ Божіихъ, ибо ни единаго не было въ пожалованномъ мнѣ имѣніи; заведеніемъ хлѣбопашества и разумной экономіи...

Привыкнувъ съ малыхъ лѣтъ боготворить помазанниковъ Божіихъ и весь священный ихъ домъ, я рѣшаюсь у ногъ твоихъ предать угнетенную судьбу свою въ твое расположеніе.

Блаженной памяти Государь Императоръ, твой родитель, единственный мой благодѣтель, при восшествіи своемъ на престолъ, вспомнилъ несчастныхъ генералъ-адъютантовъ своего дражайшаго родителя:

онъ произвелъ ихъ изъ генераль-майоровъ въ полные генералы, повелѣлъ выдать имъ за 35 лѣтнее время полное жалованье, наградилъ ихъ орденами св. Александра Невскаго и оставилъ всѣхъ на покоѣ...

Счастливейшимъ изъ смертныхъ себя сочту, если и меня грѣшнаго немного хотя вспомнишь и вручишь Августѣйшему нашему монарху и брату твоему великому князю Михаилу Павловичу, которые меня мало помнятъ и почти совсѣмъ не знаютъ, какъ разными кознями отъ престола и дома ихъ удаленнаго“.

Отвѣтъ Константина Павловича изъ Варшавы отъ 30 Января 1829 г. въ пакетъ „отъ Главнокомандующаго Литовскимъ отдѣльнымъ корпусомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича“ подъ № 66, за печатью Его Высочества, гдѣ надъ орломъ и регаліями значится „за службу и храбрость“, а внизу „Г. К...“, долженъ былъ сильно охладить откровенный пылъ Кутлубицкаго, такъ какъ отвѣтъ этотъ былъ примѣрно сухъ и формалентъ.

Николай Осиповичъ!

Получивъ письмо вашего пр—ва отъ 16 Генваря, я нашелъ невозможнымъ удовлетворить изъясненныхъ въ немъ желаній вашихъ, заключающихся въ испрашиваемомъ вами отъ меня предстательствѣ у Государя Императора объ опредѣленіи васъ на службу и объ исправленіи разстроеннаго вашего положенія по той причинѣ, что подобнаго рода ходатайства, какъ не принадлежащія до высочайше возложенныхъ на меня обязанностей, вовсе ко мнѣ не относятся.

Но если ваше пр—во считаете необходимымъ довести до Высочайшаго Государя Императора свѣдѣнія о разстроенномъ вашемъ положеніи и о намѣреніи продолжать вновь службу, то можете войти о томъ по установленному порядку съ всеподданнѣйшимъ къ Его Импер. Вел. прошеніемъ. Поставивъ себѣ за долгъ извѣстить о семъ ваше пр—во, остаюсь къ вамъ съ уваженіемъ Константинъ.

Варшава. 30 Генваря 1829 г.

Кутлубицкій покорно проглотилъ пилюлю, поднесенную ему Его Высочествомъ и письмомъ отъ 27 Февраля 1829 года въ самыхъ вѣрноподданническихъ выраженіяхъ благодарилъ его „за всемилостивѣйшій рескриптъ“, но болѣе къ Константину Павловичу уже не обращался...

Константину Павловичу не могли понравиться многія выраженія и параллели въ письмѣ Кутлубицкаго отъ 16 Января; но ранѣе того онъ былъ болѣе снисходителенъ къ обращеніямъ къ нему Кутлубицкаго.

Такъ напримѣръ, 18 Августа 1818 года Кутлубицкій писалъ Константину Павловичу.

Ваше Императорское Высочество, Государь Цесаревичъ!

Имѣя счастье 25 лѣтъ нести милости В. И. В., осмѣливаюсь и нынѣ утруждать вѣрноподданнѣйшей просьбой не лишитъ меня оныхъ и принять моего сына-первенца, 17 лѣтняго юношу подъ свое покровительство, желающаго на первый разъ вступить въ службу Е. И. Вел. Лейбъ Гвардіи въ конный полкъ, гдѣ бы онъ могъ подобно мнѣ имѣть счастье нести милости В. И. В. и пользоваться оными“...

На этомъ письмѣ помѣчено Кутлубицкимъ „послано въ Варшаву 18 Сентября 1818 г. изъ Петербурга, и по оному сынъ мой определенъ въ конную гвардію, о чемъ препоручено увѣдомить Беклемишеву“.

Къ Императору Николаю Павловичу.

9 Декабря 1825 года.

Августѣйшій Монархъ Всемилоостивѣйшій Государь!

Болѣзненное состояніе мое возбуждаетъ мнѣ *летѣть къ тебѣ*, Государь, и павъ къ священнѣйшимъ стопамъ твоимъ, принести вѣрноподданнѣйшую благодарность за 30 лѣтнія милости, коими имѣю счастье поднесъ пользоваться, и поздравить тебя, чадолюбивѣйшаго отца отечества, съ восшествіемъ на прародительскій престолъ.

Единое благо осталось мнѣ—молить Всевышняго да услышитъ Онъ наши моленія и да ниспошлетъ тебѣ своего Ангела-Хранителя, который да сохранитъ тебѣ здоровья, невредима и во всемъ благоуспѣшна! И да удобрить онъ яще твое доброе сердце, и да будешь ты сирыхъ и вдовиць отецъ, защитникъ угнетенныхъ и каратель мздоимцевъ и притѣснителей! Повергая себя и пр.

Поздравляя Николая Павловича со днемъ его рожденія 16 *Іюня* 1826 г. Кутлубицкій писалъ:

„Вотъ уже ровно 30 лѣтъ прошло какъ я имѣлъ неоцѣненное счастье, находясь при въ Бозѣ почивающемъ Государѣ Императорѣ

Павлѣ Петровичѣ, твоємъ родителѣ, а моємъ единомъ по Богѣ благо-
дѣтелѣ, облобызатъ твои ручки и имѣть счастье *нѣсколько разъ носить*
Тебя на недостойныхъ рукахъ моихъ.

Вспоминая эти незабвенные въ жизни моей дни, осмѣливаюсь под-
нести тебѣ, Августѣйшій Монархъ, въ день твоего рожденія перстень,
изображающій твоего родителя, академикомъ *Доброхотовымъ* изваян-
ный...“ *).

(Отвѣтъ Николая Павловича на это письмо чрезъ П. Кикина съ
возвращеніемъ перстня былъ помѣщенъ въ „Русской Старинѣ“ 1898).

Однакоже Кутлубицкій повидимому не рѣшался просить Николая
Павловича о принятіи его на службу; покрайней мѣрѣ въ сохранив-
шихся его письмахъ къ Николаю Павловичу указаній на это не имѣется.
Это не помѣшало однако ему въ письмѣ къ Императору отъ 23 Ноября
1827 г. просить у него за дворянъ:

О сбавкѣ 2% со вносимыхъ ими въ Государственный заемный
банкъ и въ опекунскій совѣтъ платежей за имѣнія, „Ты, Государь,
вѣрно не пожелаешь, писалъ Кутлубицкій, чтобы со временемъ боль-
шинство дворянъ, твоихъ вѣрноподанныхъ, *совсѣмъ раззорилось*“.

„Прости великодушно, заканчиваетъ К—ій, что для такого дня
(день тезоименитства) я осмѣлился нарушить этияъ письмомъ *твои едва*
успокоивающіяся мысли“.

На черновикѣ помѣчено: получ. отвѣтъ 27 Дек. 1827 г. *черезъ*
Лонгинова (было сообщ. въ „Рус. Стар.“ 1898), что „Высочайшаго
соизволенія на оное ходатайство *не послѣдовало*“.

Къ Великому князю *Михаилу Павловичу.*

„Слава Всевышнему, что допустилъ меня 73 лѣтняго старца,
родителя вашего слугу, дожить, что и *меньшему* его сыну исполнилось
нынѣ 50 лѣтъ! Котораго я по возвращеніи моємъ изъ 5 мѣсячной

*) А. И. Ханенко въ „Рус. Арх.“ 1866 г. говоритъ о такомъ-же перстнѣ съ изо-
браженіемъ Павла—*работы Мозжечкова*, который по смерти Кутлубицкаго, согласно
его завѣщанію, былъ переданъ въ руки Императору Николаю Павловичу въ 1852 г.
Объ этомъ перстнѣ въ 30-хъ годахъ Императоръ сказалъ Кутлубицкому: „если-бы мнѣ
не жаль было лишить тебя этой вещи, я отнял бы ее у тебя!“

инспекціи *) въ Апрѣлѣ 1798 года по волѣ дражайшаго Родителя вашего, имѣлъ счастье неоднократно носить на моихъ недостойныхъ рукахъ!....“ и пр.

Какъ дополненіе къ этому письму отъ того-же 2 Февраля 1848 г. имѣется другое на имя нѣкоего *Джелли-Брандта*, жительствоващаго въ Петербургѣ по Англійской Набережной въ домѣ Липранди, подъ № 32, съ приложеніемъ 2 сторублевыхъ билетовъ за №№ такими-то..

Милостивый государь!

Прочитавъ въ Инвалидѣ, что вы избраны обществомъ какъ для заготовленія одежды, такъ и раздачи оной бѣднякамъ для прикрытія грѣшнаго ихъ тѣла отъ лютой зимы, прилагаю при семъ двѣ лепты, которыя прошу принять. Одну оставить у себя по своей части, а другую доставить въ общество, гдѣ кормятъ нищую братію, чтобы они всѣ въ одинъ день на общей радости, что исполнилось 50 лѣтъ нашему фельдцехмейстеру молились бы, да сохранить его Всевышній здоровымъ еще хотя бы 25 лѣтъ.

Исполненіемъ этой просьбы много обяжете отставного служаку временъ Екатерины Великой и Павла *Премудраго*, стараго и дряхлаго пушкаря Н. К.

Михаилъ Павловичъ 4 Февраля 1848 г. отвѣчалъ:

Николай Осиповичъ!

Поздравленіе принесенное мнѣ вашимъ пр-вомъ по случаю совершенія 50 лѣтъ съ того времени, когда возложено на меня блаженной памяти Государемъ Павломъ I-мъ званія генер.-фельдцехмейстера, я принимаю съ живѣйшей благодарностью, душевно сожалея, что слабость вашего здоровья лишила меня возможности изъявить вамъ эту признательность лично.

Пользуясь симъ случаемъ, чтобы увѣрить ваше пр-во въ томъ отличномъ уваженіи, которое я постоянно сохраняю къ вашимъ достоинствамъ и неизмѣнной преданности вашей къ блаженной памяти

*) Павелъ рескриптомъ отъ 14 Ноября 1797 года возложилъ на Кутлубицкаго (ему шелъ тогда 21 годъ) инспекторскій смотръ войскамъ ген. фельдмаршала гр. Сазыкова и др. въ Южной Россіи, гдѣ Кутлубицкій и пробылъ въ разъѣздахъ 5 мѣсяцевъ по Апрѣлѣ 1798 г., за что и произведенъ въ генералъ-лейтенанты съ оставленіемъ въ свитѣ Е. И. В.

Императора Павла I-го Пребываю къ вамъ искренно доброжелательный Михаилъ.

*

3 Апрѣля того-же 1848 года князь Илья Андреевичъ Долгорукой по порученію великаго князя прислалъ Кутлубицкому миниатюрный портретъ¹⁾ въ дѣтскомъ его возрастѣ.

Въ бумагахъ Кутлубицкаго сохранились письма его къ Маріи Павловнѣ, Аннѣ Павловнѣ, Еленѣ Павловнѣ, Ольгѣ Николаевнѣ, Елисаветѣ Михайловнѣ, Маріи Александровнѣ съ различными поздравленіями, иногда съ поднесеніемъ св. иконъ, которыя Кутлубицкій заказывалъ въ Алексѣевской Общинѣ въ г. Арзамасѣ²⁾, славящейся искусствомъ золотого шитья по бархату и рукодѣльными работами...

И внуки, и внучки Императора Павла милостиво отвѣчаютъ старику Кутлубицкому на его многочисленныя поздравленія.

Николай Осиповичъ!

Съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ я письмо ваше отъ 12 Сентября, въ которомъ вы выражаете искреннее привѣтствіе ваше по случаю бракосочетанія моего.

Не сомнѣваясь никогда въ непремѣнныхъ вашихъ чувствованіяхъ ко мнѣ, прошу васъ принять за то искреннюю мою благодарность, какъ свидѣтельство всегдашняго моего расположенія къ вамъ и остаться увѣреннымъ, что я всегда пребываю къ вамъ доброжелательнымъ

Константинъ.

Г. Царское Село 30 Сентября 1848 г.

*

Будущій Императоръ Александръ II-й также не оставлялъ безъ милостивыхъ отвѣтовъ обращенія къ нему Кутлубицкаго, которыя иногда выходили изъ рамокъ обыденныхъ поздравленій. Такъ напри- мѣръ въ одно изъ таковыхъ обращеній (отъ 12 Апр. 1848 г.) Кутлу-

¹⁾ Миниатюръ этотъ сохранился у правнучки Кутлубицкаго.

²⁾ Алексѣевская община въ Арзамасѣ основана царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ память рожденія наслѣдника престола Алексія Михайловича, о чемъ указано грамотой: „Въ 1742 г. (1634), по указу великаго Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи, по грамотѣ изъ Новгородскаго приказа воеводѣ князю Никитѣ Шаховскому построить въ Арзамасѣ на посадѣ Царское богомолье, *Новодѣвичь монастырь Алексія чловѣка Божія*“.

бицкій вписаль нижеслѣдующую просьбу, которую Наслѣдникъ Цесаревичъ могъ-бы испросить по его мнѣнію у Государя: „чтобъ для всѣхъ вѣрноподанныхъ повсемѣстно по городамъ продавалась соль не дороже 40 коп. за пудъ: ибо какъ избалованный купчинъ не можетъ прожить безъ сахара, такъ и бѣдный крестьянинъ со своимъ многочисленнымъ семействомъ не можетъ пробыть безъ соли, безъ которой ему менѣе 1 пуду на душу въ годъ не обойтись, а торгующіе за границу, добавляеть Кутлубицкій, какъ были, пусть и останутся...“

Наслѣдникъ Цесаревичъ 24 Апрѣля 1848 году отвѣчалъ ему.

Николай Осиповичъ!

Съ искреннимъ удовольствіемъ получилъ я ваше письмо и благодарю за изъявленныя въ немъ чувствованія.

Относящееся же въ немъ до *продажи соли*, я повелѣлъ *передать министру финансовъ* на зависящее отъ него распоряженіе.

Радуюсь, что временно разстроенное здоровье ваше возстановилось и въ надеждѣ, что Господь продлитъ еще дни ваши, пребываю къ вамъ на всегда

благосклонный Александръ.

*

Всѣ письма Кутлубицкаго числомъ до 50 къ высочайшимъ особамъ съ 1812 по 1848 г. занесены имъ въ особый „*домашній журналъ*“; что касается таковой-же переписки за 1793—1811 гг., то она утрачена за исключеніемъ немногихъ случайно сохранившихся отрывковъ.

Такова напримѣръ записка Александра Павловича (собственноручно).

Господину генераль-маіору, Его Императорскаго величества генераль-адъютанту и кавалеру Кутлубицкому.

Имѣете съ полученіе сего явиться немедленно ко мнѣ въ Петергофъ. Юля 16 дня 1797 года.

Александръ.

Его-же рукой написанный приказъ въ царствованіе Павла I-го: „за несохраненіе порядка дисциплины и послушанія отънимается бой у полковъ Завалашина, Мамаева, Седморацкаго, Вязмитикова и Ферзена; у гренадерскихъ батальоновъ Огарева, Ериксона, Веліашова, Осипова, Митюшина и Ландсфорса. Полкъ-же Завалишина потерявъ знамя, оное ему новымъ не замѣняется.

Александръ.

Сообщилъ **Ив. А. Бронскій.**

